

А. Я. МАНУСЕВИЧ

У ИСТОКОВ «САНАЦИИ» *

VI

Правительство генерала В. Сикорского считалось «правительством успокоения»¹. В действительности оно было правительством подавления революционного движения: вскоре после прихода Сикорского к власти вынесением суровых приговоров был закончен первый массовый процесс коммунистов — 39 видных деятелей КРПП². Расправа над коммунистами, естественно, нисколько не способствовала смягчению внутренних противоречий. Их обостряли экономические трудности и изменения в международной обстановке.

Острый политический кризис, наступивший в январе 1923 г. после оккупации Францией Рура, явился трудным испытанием для франко-польского союза. Попытки маршала Ф. Фоша, посетившего в начале мая 1923 г. с официальным визитом Польшу, использовать франко-польский союз для укрепления французских позиций по отношению к Германии и Англии встретили противодействие со стороны военных кругов, связанных с Ю. Пилсудским. Последний, как пишут польские эмигрантские историки, «видел главного противника в будущей войне вовсе не в Германии, а в Советях»³.

Но не расставаясь с мыслью о будущей войне против СССР, Пилсудский в первую очередь был занят сложной борьбой за расширение своих позиций в армии, гражданской администрации, различных массовых организациях. Мафия Пилсудского проникала во все более широкие общественные круги. Ее духовный вождь при каждом удобном случае развивал взгляды, которые маршал сейма М. Ратай оценил как выражение «муссолиниевских настроений»⁴.

Эти настроения, естественно, не оставляли и лагерь эндеции, постоянно афишировавший симпатии к фашизму и ненависть к демократии и социализму. Уже в феврале 1923 г. она начала новые секретные переговоры с партией Пяст о создании правоцентристского «польского большинства» в сейме. Эндеки согласились на ежегодную парцелляцию до 200 тыс. га помещичьей и государственной земли в пользу сельской буржуазии и договорились о совместном с Пястом проведении политики колонизации восточных «кресов», об изменении существующей там административной системы «в государственном и национальном духе», введении национальных квот в учебных заведениях всех типов, усилении полиции, о борьбе со всеми «антинациональными» элементами и т. п. Общей основой деятельности Хьены и Пяста признавалось «решительное противопоставление любым коммунистическим проискам». Тайные переговоры лидеров правых и кулацкого центра, проходившего в Галиции, в замке Ланц-

* Окончание. Начало см. в предыдущем номере нашего журнала.

¹ I. D a s z y Ń s k i. W pierwszą rocznicę przewrotu majowego. Warszawa, 1927, s. 6.

² «Proces komunistów we Lwowie (Sprawa świętojurska)». Warszawa, 1959; I. K o - w a l c z y k. Wielki proces. Warszawa, 1963.

³ «Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej», t. I. Londyn, 1951, s. 89.

⁴ A. A j n e n k i e l. Od rządów ludowych do przewrotu majowego. Warszawa, 1968, s. 243.

корона, завершились подписанием в Варшаве 17 мая 1923 г. формального договора о сотрудничестве ⁵.

Подписание договора с эндецией говорило о сдвиге Пяста вправо, в сторону открытой реакции. В. Витос и другие, несмотря на противодействие группы пястовцев — 17 депутатов и сенаторов, протестовавших против сделки с Хьеной, порвавших с партией и образовавших в сейме самостоятельную фракцию, — взяли курс на антидемократическое изменение избирательного закона, на ликвидацию всех массовых демократических организаций, в первую очередь прогрессивных профессиональных союзов. Они выступали за запрещение стачек, в том числе стачечных выступлений сельскохозяйственных рабочих ⁶.

Создание правоцентристского блока, располагавшего большинством мест в сейме, привело уже 26 мая 1923 г. к отставке внепарламентского и внутренне весьма неустойчивого правительства генерала Сикорского. Ему на смену 28 мая 1923 г. пришло правительство Хьены — Пяста во главе с Витосом.

В нем, отмечал орган Исполкома Коминтерна, «преобладают фашистские элементы» ⁷. Да и сам глава правительства, подчеркивая, что оно будет проводить дружескую политику в отношении западных держав, особо указал на важность экономического и политического сотрудничества с фашистской Италией ⁸.

В новом правительстве впервые за все время существования буржуазной Польши военное министерство было передано одному из враждебных пилсудчикам генералов — А. Осиньскому, которого 13 июня сменил еще больший противник пилсудчиков — С. Шептицкий. Возмущенный Пилсудский подал в отставку с поста начальника генерального штаба. При этом, стремясь использовать антиэндецкие настроения не только трудящихся, но и части средних слоев, он заявил, что не может сотрудничать с людьми, морально причастными к убийству Г. Нарutowича. В генеральном штабе Пилсудского сменил его политический и личный противник генерал С. Галлер, брат одного из эндецких лидеров генерала Ю. Галлера.

Новый военный министр вскоре установил связи с тайной фашистской организацией «Готовность патриотов польских». Номинальной главой этой организации был В. Горчиньский, создавший в 1915 г. добровольческую дружину, сражавшуюся на стороне царской России. «Готовность патриотов польских» пользовалась поддержкой лидера эндеции С. Гломбиньского, занявшего в кабинете Витоса пост вице-премьера, и главного идеолога эндеции Р. Дмовского.

28 июня 1923 г. Шептицкий внес в сейм новый законопроект об организации верховного командования армии, в котором предусматривалась, в частности, ликвидация Узкого военного совета, еще возглавлявшегося Пилсудским ⁹.

На его заседании 2 июля 1923 г. маршал в крайне резкой форме высказался о Шептицком (после чего тот вызвал Пилсудского на дуэль) и заявил о своей отставке с последнего из оставшихся за ним официальных постов. На следующий день Пилсудский выступил с большой речью на банкете, устроенном его сторонниками. Гневно обрушившись на эндецию, он не преминул упомянуть о событиях декабря 1922 г., заявив, что не может оберегать правительство, состоящее из представителей партий, несущих моральную ответственность за убийство Нарutowича. Напомнив таким образом о преступлении эндеcko-фашистских кругов, Пилсудский одновременно осудил и существовавшую в стране парламентскую систему ¹⁰.

Покончить с ней готовились вновь активизировавшиеся фашистские группы и организации, связанные с верхами эндеции, со многими церковниками. Они искали поддержки главы правительства. Пилсудский, противопоставив себя и своих сторон-

⁵ B. D y m e k. Z polityki Polskiego Stronnictwa Ludowego «Piast» (pakt Lankorński 17.V.1923). — «Zeszyty historyczne Uniwersytetu Warszawskiego», 1961, s. 152—154.

⁶ A. Z a k r z e w s k i. Wincenty Witos — chłopski mąż stanu w latach 1918—1926. — «Kwartalnik Historyczny», 1969, № 3, s. 586—588.

⁷ «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, № 109, s. 936.

⁸ A. F i d e r k i e w i c z. «Dobre czasy». Wspomnienia lat 1922—1927. Warszawa, 1958, s. 109.

⁹ W. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Najnowsza historia polityczna Polski, t. II, cz. 1. Londyn, 1956, s. 457.

¹⁰ J. P i ł s u d s k i. Pisma zbiorowe, t. VI. Warszawa, 1937, s. 24.

ников правительству открытой буржуазно-клерикально-кулацкой реакции, возвел, как это было уже и раньше, искусственный, но заметный барьер между правящим лагерем и теми многоликими политическими организациями, группами, течениями, которые, исходя из разных побуждений и преследуя различные цели, именно в нем видели своего лидера. Систематические нападки эндецких публицистов на Пилсудского, пытавшихся со своих позиций разоблачать связанные с ним легенды, не достигали цели и лишь углубляли представление о якобы существовавшей противоположности линии пилсудчиков политике правящего блока.

Даже катастрофическое ухудшение экономического положения Польши, совпавшее по времени с приходом к власти Хьены — Пяста, в какой-то мере благоприятствовало политическим интересам пилсудчиков, так как вызывало в массах острое недовольство именно их противниками. Правительство Хьены — Пяста оказалось в сложном положении. С невероятной быстротой развивался финансово-валютный кризис. Курс доллара, который составлял в июне 1923 г. 24 тыс. польских марок, к концу декабря 1923 г. поднялся до 1502 тыс. польских марок. Почти 3/4 бюджетных расходов покрывалось за счет выпуска новых банкнот¹¹. При этом печатание банкнот, достоинством менее 500 марок, обходилось дороже, чем обозначенная на них покупательная стоимость.

Естественными спутниками инфляции и валютного хаоса являлись безудержная спекуляция, нарушение экономических связей, массовый рост безработицы. Как и предшествующие правительства, кабинет Хьены — Пяста искал выход из финансовой катастрофы в экономическом наступлении на трудящихся и в иностранных займах. Но в США не доверяли платежеспособности Польши — банк Моргана, у которого Польша пыталась получить заем в 100 млн. долл., в августе прекратил переговоры с польским правительством. Франция, потерпев неудачу в рурской авантюре и соответственно в попытках навязать свою гегемонию всей континентальной Европе, сама находилась в тяжелом политическом и финансовом положении. Англия, послав в Варшаву по просьбе польского правительства финансовую миссию во главе с Х. Юнгом, разработала план финансового «оздоровления» Польши, сопровождавшийся условиями, направленными на обеспечение преобладающих позиций английского капитала в польской экономике и на существенное ослабление ее военно-политических связей с Францией. Как бы в ответ на нажим Сити 28 октября 1923 г. министром иностранных дел был назначен один из деятелей эндеции, завзятый франкофил и почитатель Муссолини Дмовский.

Пока правительство буржуазной реакции металось в поисках внешних займов, внутреннее положение страны продолжало все более обостряться. В октябре 1923 г. реальная заработная плата рабочих составляла лишь 61% по отношению к апрелю того же года. Когда 28 сентября делегация государственных служащих сообщила Витосу о бедственном положении лиц наемного труда, премьер-министр цинично заявил делегатам: «Завтра будет еще хуже, чем нынче. Государство ни в малейшей мере не в состоянии учесть пожелания государственных служащих»¹².

Справедливое возмущение масс финансовой вакханалией и катастрофическим снижением и без того низкого жизненного уровня весьма умело использовали различные группировки пилсудчиковского лагеря. Критикуя Хьену—Пяст за политику, выгодную в основном лишь темным дельцам и спекулянтам, они выставляли Пилсудского, проживавшего после выхода в отставку в своем имении в Сулеювках под Варшавой, как единственного человека, способного оздоровить Польшу.

Заседавший осенью 1923 г. II съезд КРПП справедливо указывал, что, лишь действуя единым фронтом с «Вызволене», ППС и даже с «Польской военной организацией» (ПОВ) в целях совместной борьбы за демократические преобразования, за рабоче-крестьянское правительство, можно вывести Польшу из тупика. «Мы знаем,— говорил Г. Ляуэр (Э. Брандт) в докладе о политическом положении и тактике партии,— что Пилсудский сам бы хотел быть вождем буржуазии... Нашей задачей яв-

¹¹ E. T a y l o r. Inflacja polska. Poznań, 1928, s. 22—23; Z. L a n d a u, J. T o m a s z e w s k i. Zarys historii gospodarczej Polski. 1918—1939. Warszawa, 1971, s. 98.

¹² A. P r ó c h n i k. Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Warszawa, 1967, s. 173.

ляется отрыв пилсудчиковского лагеря от Пилсудского»¹³. Но антикоммунистическая позиция вождей ППС, «Вызволене» и других демократических и радикальных организаций, примыкавших к пилсудчиковскому лагерю, и нелегальное положение КРПП затрудняли коммунистам осуществление курса на сплочение всех демократических сил, на создание единого рабочего фронта.

Рабочий класс все энергичнее отстаивал свои интересы. В ответ на стачку железнодорожников в октябре 1923 г. правительство милитаризовало железные дороги. По приказу министра внутренних дел пястовца В. Керника полиция и войска систематически использовались для подавления выступлений трудящихся. По призыву ЦИК ППС и Центральной комиссии профсоюзов 5 ноября 1923 г. в стране началась всеобщая забастовка. 6 ноября попытка властей использовать войска для разгона демонстрации рабочих Кракова дала толчок крупным уличным вооруженным столкновениям, в ходе которых погибло 18 рабочих, 3 офицера и 11 солдат¹⁴. Некоторые воинские части местного гарнизона, в составе которых было много западноукраинской и западнобелорусской молодежи, дали себя разоружить. Древняя столица Польши оказалась во власти рабочих. Почти одновременно крупные вооруженные столкновения рабочих с войсками и полицией произошли в промышленных городах Бориславе и Тарнове.

Напуганные огромной активностью масс, лидеры ППС и профсоюзов добились некоторых уступок от правительства, помогли ему ликвидировать успешно развернувшееся, но носившее полустихийный характер Краковское восстание¹⁵, и потопились 7 ноября объявить об окончании всеобщей стачки.

Однако дальнейшее сохранение власти за блоком Хьены—Пяста стало чревато опасностью для самих устоев буржуазно-помещичьего строя. К тому же правительство, кичившееся своей «парламентарностью», ввиду нового раскола в составе Пяста утратило позиции в сейме и 14 декабря 1923 г. оказалось вынужденным выйти в отставку.

19 декабря 1923 г. к власти пришло внепарламентское правительство во главе с В. Грабским. Ранее один из крупнейших деятелей эмиграции, Грабский ряд лет стоял как бы вне борьбы против пилсудчины. Более того, первоначально он возвратил военное министерство пилсудчику К. Соснковскому. Но уже в феврале 1924 г. последний был заменен Сикорским, остро конфликтовавшим с Пилсудским и стремившимся различными средствами ослабить позиции офицеров-пилсудчиков, которых он рассматривал в профессиональном отношении как дилетантов, а в политическом — как авантюристов.

Образуя своего рода касту, офицеры-пилсудчики, начинавшие военную карьеру в легионах, и генералы-пилсудчики, составлявшие примерно четвертую часть генералов действительной службы, располагали широким кругом приверженцев среди офицерской молодежи. Под руководством пилсудчиков находился ряд милитаризованных организаций. Крупнейшая из них — Стрелецкий союз — охватывала значительную часть молодежи допризывного возраста. В ней, как и в других пилсудчиковских организациях, культивировалось презрение к парламентаризму, к погрязшему в бесконечных внутренних столкновениях сейму, к политическим партиям, занятым взаимной борьбой не за интересы страны, а за доходные места в правительственном аппарате. Те же настроения были широко распространены среди представителей творческой интеллигенции, видевших источник своих злоключений не в социально-экономическом строе, а в несовершенстве политического устройства страны, которое, по их мнению, и было причиной экономического кризиса страны.

Борьба с этим кризисом, особенно острым в валютно-финансовой сфере, находилась в центре внимания кабинета Грабского. Получив от сейма чрезвычайные полномочия в области финансовой политики, правительство провело ряд изменений в налоговой системе. Затем был образован эмиссионный Банк Польский, 99% акций которого распределялись среди частных лиц и фирм и ряда организаций. 28 апреля

¹³ «II zjazd Komunistycznej Partii Robotniczej Polski. Protokoły obrad i uchwały. 19.IX — 2.X.1923». Warszawa, 1968, s. 186—187.

¹⁴ A. P r o ś c h n i k. Op. cit., s. 173.

¹⁵ См. подробнее: Ф. К а л и ц к а я. Краковское восстание 1923 г. М., 1954.

1924 г. правительство заменило совершенно обесцененную польскую марку новой денежной единицей — злотым. Грабскому удалось получить новые иностранные займы¹⁶.

Но широко рекламировавшаяся премьером «санация» финансов, за которой должна была наступить общая «санация» экономики, не дала ожидавшегося эффекта. Экономика Польши с середины 1925 г. опять оказалась в состоянии глубокого кризиса. В результате взаимодействия ряда факторов: сокращения промышленного производства, связанного с тем, что в условиях послеинфляционной конъюнктуры обнаружилась слабая конкурентная способность польских промышленных изделий, по сравнению с промышленной продукцией более развитых капиталистических стран; снижения на европейском рынке цен на уголь, сахар, лес — основные предметы польского экспорта; продолжения политики экономической изоляции от советского рынка; неуверенная, постигшего страну в 1924 г.; нового наступления капиталистов на трудящихся, приведшего к резкому сокращению потребительского спроса; прекращения срока действия ряда соглашений с Германией и начатой германским империализмом 15 июня 1925 г. таможенной войны против Польши.

К тому же правительство откладывало проекты решения таких жгучих вопросов, как аграрный и национальный, на «более поздний срок»¹⁷, все шире прибегало к репрессивным мерам, это вызвало мощную кампанию против белого террора в Польше, в которую включились передовые круги польской интеллигенции и выдающиеся деятели мировой культуры — Анри Барбюс, Жорж Дюамель, Ромен Роллан и др.

Несмотря на ряд серьезных трудностей внутри страны, на правительственные репрессии и провокации, КРПП, ее автономные организации — Коммунистическая партия Западной Украины и Коммунистическая партия Западной Белоруссии, сотрудничавшие с КРПП вновь возникшие Независимая крестьянская партия, «Белорусская крестьянско-рабочая громада» и другие подлинно революционные и демократические организации — добились расширения своего влияния на рабочий класс и широкие массы трудящихся. За счет перехода в КРПП ряда деятелей других партий возросла численность коммунистической фракции сейма. Коммунисты, умело используя представленные регламентом сейма возможности, все активнее разоблачали с трибуны сейма действия реакции и противопоставляли ее мерам законопроекты, отвечавшие интересам широких народных масс¹⁸.

Правые, считая репрессивную, ассимиляторскую политику правительства Грабского недостаточной для обеспечения сохранности существовавшего социального строя и колониального режима на «окраинах», выдвигали требование смены конституции. Витос заявил, что польская конституция якобы «пошла в либеральном направлении так далеко, как ни в одной другой европейской стране»¹⁹. Напротив, Пилсудский, неоднократно поносивший конституцию, использовал обстановку для того, чтобы выставить себя приверженцем законности²⁰. Такая позиция, не мешавшая Пилсудскому и его наиболее близким сотрудникам собирать силы для поправок конституции и возможного захвата власти, позволяла ППС, «Вызволене», союзу бывших легионеров и другим пропилсудчиковским организациям поддерживать иллюзии о Пилсудском как деятеле, будто бы выше всего ставящем интересы страны. Лидер ППС И. Дашиньский даже выпустил в свет брошюру, являвшуюся панегириком Пилсудскому; печать «левых» партий писала о нем как о человеке, призванном «спасти» Польшу от развала. А сам Пилсудский в это время особо интересовался тем, как расправляется с трудящимися фашистский диктатор Болгарии А. Цанков. «Вешает, говорят, избивает, это интересно, может, так и нужно? Что же, напишите мне позднее, что в этой Болгарии затем будет, а также что там в Румынии... Это меня интересует», — просил в апреле 1925 г. «ревнитель конституции» одного из своих собеседников²¹.

¹⁶ J. T o m a s z e w s k i. Stabilizacja waluty w Polsce. 1924—1925. Warszawa, 1961, s. 178; Z. L a n d a u, J. T o m a s z e w s k i. Op. cit., s. 106.

¹⁷ Wł. G r a b s k i. Dwa lata pracy u podstaw państwowości naszej (1924—1925). Warszawa, 1927, s. 84.

¹⁸ «Posłowe rewolucyjni w Sejmie (lata 1920—1935)». Warszawa, 1961.

¹⁹ A. P r ó c h n i k. Op. cit., s. 194.

²⁰ Ibid., s. 207.

²¹ H. Z i e l i ŋ s k i. Józef Piłsudski. — «Polityka», 13.VII.1968.

Скрытые почитатели кровавого палача болгарского народа открыто критиковали несколько видоизмененный Сикорским проект организации высшего командования, разработанный еще Шептицким. Пилсудский осуждал Сикорского за то, что тот пытается следовать французским образцам. На очередном съезде легионеров в августе 1925 г. Пилсудский выступил против военного министра. Затем последовала широкая полемика в печати, использованная пилсудчиками для прославления своего вождя и подготовки заговора²². Видные пилсудчики во главе с полковником В. Славеком предприняли ряд поездок в различные гарнизоны, внушая офицерам, что «создатель польской армии» и «ревнитель» ее интересов лишен всякой возможности возвращения на военную службу²³.

Испытывая давление как со стороны правых, так и «левых» партий сейма, Грабский многократно менял отдельных министров. К этому его побуждало и разоблачение сопровождавших «санацию» финансов крупных махинаций, к которым были причастны некоторые члены правительства, и разоблачение коррупции, царившей во многих звеньях государственного аппарата, и принимавшая повальный характер продажность самих депутатов и сенаторов²⁴. Постепенно ключевые посты переходили ко все более правым деятелям, среди которых особо выделялся брат премьера С. Грабский, рьяный колонизатор «окраин», гонитель всего прогрессивного в польской культуре. С. Грабский ускорил заключение Польшей конкордата, подписанного 10 февраля 1925 г. в Ватикане и имевшего целью упрочить союз светской реакции с реакцией католической и облегчить установление в Польше «сильной власти» в том духе, в каком это понимала христианская демократия²⁵. Урегулирование на весьма выгодных для католической церкви условиях отношений с папским престолом не могло компенсировать слабости внешнеполитических позиций правящих кругов Польши. Они не пошли навстречу новым советским предложениям об улучшении советско-польских отношений даже после того, когда в результате краха французских притязаний на гегемонию в Европе и формирования новой системы межимпериалистических интересов потерял свое значение польско-французский союзный договор 1921 г. Правда, еще в конце июля 1924 г., во время работы международной конференции, закончившейся принятием плана Дауэса, Грабский заменил министра иностранных дел графа М. Замойского графом А. Сквишньским, начавшим дипломатическую службу в австро-венгерском министерстве иностранных дел и не питавшим особой приверженности к Франции. Сквишньский совершил длительную поездку в США, но не смог получить крупных займов. Не удалось ему добиться и того, чтобы подписанные в октябре 1925 г. Локарнские соглашения включали гарантию Англией и другими участниками соглашений польской границы с Германией.

Правящие круги последней все откровенней заявляли, что считают Польшу лишь «сезонным государством». Правая немецкая печать писала о необходимости ревизии границ с Польшей. Германия усиливала политику дипломатического и экономического нажима на Польшу. Англия и США оказывали финансовый нажим на Польшу с целью подчинения ее своему политическому влиянию²⁶.

С резким ухудшением внешнеполитического положения Польши, вытекавшем из нового соотношения сил в Европе, совпал новый валютный кризис. Немалую роль в его обострении играл Имперский банк Германии во главе с Я. Шахтом, стремившийся подорвать курс золотого²⁷. Польские финансовые воротилы считали более выгодным для себя расширение международных финансовых связей и перспективу новых валютных спекуляций, чем упрочение курса золотого. Поэтому Банк Польский не одоб-

²² W. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Op. cit., s. 461—463; M. R o m e j k o. Przed i po maju, t. I. Warszawa, 1967, s. 209—210.

²³ M. Piętrzak. Jak doszło do wojny domowej i przewrót majowy (dwa nieopublikowane memoriały).— «Kwartalnik Historyczny», 1959, № 1, s. 131.

²⁴ J. D a s z y Ń s k i. Sejm-Rząd-Król-Dyktator. Warszawa, 1926, s. 30—31.

²⁵ B. K r z y w o b l o c k a. Ze studiów nad Chrześcijańską Demokracją.— «Studia z dziejów myśli społecznej i kwestii robotniczej w XIX i XX wieku», Warszawa, 1966, t. 2, s. 191—192.

²⁶ J. K r a s u s k i. Stosunki polsko-niemieckie 1871—1939. Warszawa, 1967, s. 114—116; Z. L a n d a u, J. T o m a s z e w s k i. Op. cit., s. 135.

²⁷ Z. L a n d a u. Plan stabilizacyjny 1927—1930. Warszawa, 1963.

рил финансовые меры, предложенные Грабским²⁸. 13 ноября 1925 г. его кабинет, продержавшийся у власти дольше предыдущих, подал в отставку.

В условиях разразившегося правительственного кризиса начались бурные выступления пилсудчиков. Пилсудский тотчас после получения известия об отставке Грабского отправил президенту С. Войцеховскому письменные «предостережения» и сумел добиться назначения на пост военного министра одного из наиболее близких к себе генералов — Л. Желиговского. Примерно к этому времени относится выход в свет книги Пилсудского «1920 год», в которой он, в весьма искаженном виде рисуя весь ход военной кампании 1920 г., возлагал ответственность за отдельные признанные им неудачи на своих противников — генералов Шептицкого, Розвадовского и других, занимавших в 1925 г. высшие посты в армии. Книга Пилсудского усилила размежевание офицерства на его сторонников и противников. Пилсудский, однако, считал, что его час еще не настал. Неминуемо было дальнейшее обострение политического и экономического положения в стране.

25 ноября 1925 г. в обстановке нараставшего общественного возбуждения образовалось правительство «национального согласия», возглавленное Сквиныньским. Наряду с эндеками, христианскими демократами, Национальной рабочей партией и Пястом в него вошла также ППС! Реформистские лидеры мотивировали это тем, что они тоже должны спасти государство от грозящей стране экономической катастрофы²⁹. В действительности же смыкавшаяся с пилсудчиковской мафией правая часть лидеров ППС добилась образования коалиции, чтобы создать более благоприятные условия для осуществления планов государственного переворота, вынашивавшихся пилсудчиками³⁰.

Состоявшаяся в декабре 1925 г. VI конференция КПП оценила сложившуюся в Польше обстановку как переходную. Подлинный выход из существовавшего положения, указала конференция, может принести только создание рабоче-крестьянского правительства, которое невозможно без завоевания масс, в том числе тех, которые, будучи искренними сторонниками социализма, идут еще за Пилсудским. Ныне же, отмечалось в резолюции конференции, массы, не видя выхода, могут легко оказаться орудием переворота, угрожающего как со стороны эндеции, так и со стороны Пилсудского. Вожди ППС, которые «сегодня вошли в правительство вместе с эндеками, чтобы спасти буржуазию от революции», завтра с той же самой целью могут пойти одной дорогой с Пилсудским, «если дорога с эндеками разочарует их»³¹. Таким образом, КПП весьма трезво оценивала обстановку, учитывала опасность, надвигавшуюся со стороны лагеря пилсудчиков и примыкавших к нему деятелей ППС.

Содействие ППС помогло буржуазно-помещичьим кругам сохранить свое господство. В феврале-марте 1926 г. несколько увеличилось промышленное производство, стало уменьшаться количество безработных. Эндеки в лице министра финансов Е. Здзеховского, заместителя председателя Левиафана, добивались согласия ППС на дальнейшее повышение налогов и введение ряда новых, снижение пенсий, массовое увольнение железнодорожников и другие подобные меры. Одобрить эту программу прямого и открытого наступления на трудящихся даже правые деятели ППС не решились. Некоторые из них, видимо, были осведомлены о том, что Пилсудский считал создавшиеся условия вполне благоприятными для захвата власти³².

О назревании в Польше государственного переворота широко писала мировая печать. Обозреватель журнала «Большевик» еще в феврале 1926 г. указывал, что обстановка «снова выдвигает на сцену Пилсудского, как человека, который уже раз спас Польшу от революции»³³.

Некоторые более осторожные польские буржуазные политики считали, что лучшим выходом из кризиса было бы достижение компромисса между правыми и так называемыми «левыми». В. Грабский в секретной записке «Как предупредить наиболь-

²⁸ F. Z w e i g. Poland between two Wars. London, 1944, p. 41.

²⁹ «Robotnik», 21.XI.1925, 1.I.1926.

³⁰ A. T y m i e n i e s k a. Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej w latach 1924—1928. Warszawa, 1969, s. 99.

³¹ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. II. Warszawa, 1955, s. 275.

³² N. B a r l i c k i. Wybór przemówień i artykułów z lat 1918—1919. Warszawa, 1966, s. 13.

³³ «Большевик», 1926, № 4, стр. 71.

шую опасность», написанной в начале 1926 г., выдвинул план прекращения деятельности сейма на 2—2,5 года, проведения политики жертв как со стороны работодателей, так и со стороны рабочих, образования авторитетного правительства, наделенного широкими полномочиями. Такое правительство окажется действенным, считал Грабский, при участии в нем как Пилсудского, так и Дмовского и Витоса. Пилсудский, полагал Грабский, пойдет на такой компромисс, если будет располагать хотя бы скрытой поддержкой социалистов. В результате, отеснив, как и в Италии, парламент на задний план, можно было бы и в Польше, писал Грабский, «совершить что-то подобное тому, что и в Италии», но без присущих Муссолини крайностей³⁴.

Однако план Грабского не соответствовал представлениям обоих основных сложившихся политических лагерей. Эндеки как раз были склонны воспринять у итальянских фашистов методы самой беспощадной расправы с демократическими силами и дополнить их самым жестоким гнетом в отношении национальных меньшинств. О том, что эндеция готова следовать примеру итальянских фашистов и еще круче, чем в Италии, использовать систему террора, свидетельствовали как выступления деятелей этой партии, так и поездка весной 1926 г. основателя партии и ее крупнейшего лидера Р. Дмовского в Италию.

План действий, предложенный Грабским, не отвечал и замыслам реакционного руководства партии Пяст. В начале 1926 г. Витос опубликовал брошюру, в которой доказывал, что необходимо расширить власть президента и права сената, изменить избирательный закон в направлении ограничения прав национальных меньшинств, установить «твердую власть», усилить наказания за государственные преступления и т. п.³⁵ Это свидетельствовало о продолжавшемся сближении верхушки Пяста с эндецкой реакцией.

К тому же кампания, которую вела эндецкая печать против пилсудчиков, показывала, что эндеки не собирались следовать советам Грабского и не допускали возможности сделки с лавировавшими пилсудчиками, «верхи» пилсудчиков также не обнаруживали склонности к компромиссу с скомпрометированной в широких кругах народа и ненавидимой национальными меньшинствами эндецией. «Левое» крыло пилсудчиков, усиливая кампанию против эндеции, не скупилось и на выпады против Союза землевладельцев, Левпафана, других организаций земельных и финансовых магнатов. Польшей, утверждал Т. Голувко — весьма популярный и близкий к Пилсудскому деятель ППС, проводивший широкую кампанию в печати под лозунгом «Левицу — к власти!», — «правит спекулянтская, бюрократическая мафия»³⁶.

Успокаивая консервативных деятелей, Пилсудский доверительно говорил, что он вовсе «не хочет быть пленником левых», что должны быть ликвидированы социальные завоевания трудящихся, так как «иначе начнется падение промышленной и сельскохозяйственной продукции»³⁷. Такая социальная программа главы заговорщиков вполне соответствовала интересам помещиков и капиталистов.

Пилсудский стал чаще наезжать из своего имения Сулеювек в Варшаву. Все решительнее выражая стремление к власти, он открыто добивался устранения из армии генералов, связанных с эндецией. Об этом он говорил президенту Войцеховскому при посещении Бельведера в феврале 1926 г., писал в открытом письме на имя Желиговского, опубликованном в марте, заявлял 21 апреля на совещании у президента по вопросу об организации высшего командования польской армией³⁸.

Тем временем Желиговский, используя свое положение военного министра, принимал меры к упрочению позиций пилсудчиков в армии. Генерал Сикорский был назначен командующим Львовским военным округом, на территории которого было очень напряженное положение, что ограничивало свободу действий генерала. Наоборот, в Познаньском военном округе, являвшемся одной из прочнейших политических баз эндеции, командующим стал пилсудчик легионер Соснковский. Другой пилсудчик —

³⁴ «Studia i materialy do dziejów Wielkopolski i Pomorza», t. XI. Poznań, 1960, s. 192—196.

³⁵ W. W i t o s. Czasy i ludzie. Warszawa, 1926.

³⁶ T. H o ł ó w k o. Ostatnia okupacja.— «Droga», 1926, № 1, s. 4.

³⁷ B. K r z y w o b ł o c k a. Op. cit., s. 196.

³⁸ «Красная звезда», 12.VII.1926.

легионер Э. Рыдз-Смыглый командовал Виленским военным округом. Изменения были произведены в аппарате генерального штаба, в командовании многих воинских соединений и частей.

Все более активизировавшееся военное крыло пилсудчиков возглавляли генерал Г. Орлич-Дрэшэр, полковники В. Славек, К. Свитальский, А. Пристор, Ю. Бек, Б. Медзильский и др. Заговорщики руководили пропагандистской кампанией «санации» государства, подготовкой военизированных пилсудчиковских организаций, переговорами с консервативными кругами, укрепляли контакты с «левыми» партиями пропилсудчиковской ориентации.

Обстановка в стране обострялась с каждым днем. В марте-апреле 1926 г. произошли кровавые уличные столкновения рабочих с полицией в Люблине, Стрые, Влоцлавске, Калпше. 20 апреля 1926 г. министры-социалисты вышли из состава правительства. 26 апреля 1926 г. сеймовские фракции эндеков, хадеков, Пяста, Национальной рабочей партии огласили совместный проект частичных изменений конституции, предусматривавших расширение прав президента³⁹.

В манифесте, принятом в связи с отзывом министров-социалистов из состава правительства, ЦИК ППС заявил, что хочет видеть во главе армии маршала Пилсудского. Это требование способствовало распространению ложных представлений о том, что именно маршал сможет оградить страну от опасности фашистского переворота⁴⁰. В действительности преградить путь фашизму могло лишь единство подлинно левых сил. Но правые вожди ППС не только отвергали возможность какого-либо единства действий с коммунистами, но и толкали рабочих на путь вооруженной расправы с коммунистами. Это произошло 1 мая 1926 г. в Варшаве, когда боевики ППС под непосредственным руководством лидера «варшавской клики» Р. Яворовского и при активной поддержке конной и пешей полиции напали на демонстрировавших под коммунистическими знаменами рабочих; трое рабочих-коммунистов погибли, многие были ранены, сотни арестованы⁴¹. Центральный орган ППС—газета «Robotnik» оправдывала это преступление тем, что коммунисты, стремясь сомкнуться с демонстрировавшей колонной социалистов, якобы намеревались «скомпрометировать ППС»⁴².

Антикоммунизм, клевета на большевиков были доминирующими в материалах этой газеты. В критические дни правительственного кризиса, признавая существование прямой фашистской опасности и призывая к «укреплению, оздоровлению демократии», «Robotnik», другие газеты ППС, ее агитаторы и деятели на местах утверждали, что «спасти Польшу», «решить стоящие перед ней проблемы» может только Пилсудский⁴³.

В условиях затягивавшегося правительственного кризиса бурно усиливалась активность пилсудчиков и самого Пилсудского. Маршал отклонил сделанное ему 8 мая предложение основных «левых» партий сейма, переданное депутатом-социалистом З. Мареком, возглавить правительство, опирающееся на центрально-левое большинство сейма⁴⁴. Затем он встречался с президентом республики и во время беседы не скупился на угрозы в адрес собеседника. Пилсудский вел даже переговоры с В. Грабским и другими политическими деятелями⁴⁵.

В тот день, когда Пилсудский, отклонив предложение «левых» партий, еще раз показал свое пренебрежительное отношение к сейму и тем самым в какой-то мере облегчил правым, формально в этом случае стоявшим на позициях парламентаризма, борьбу за возвращение к власти путем сколачивания новой правоцентристской коалиции, в некоторых газетных киосках Варшавы появился первый номер еженедельника «Trybuna», который начала легально издавать КПП. Главным его редактором был А. Варский, в феврале 1926 г. ставший депутатом сейма. Еженедельник КПП представляет собой весьма ценный источник по истории майского переворота 1926 г.

³⁹ A. A j n e n k i e l. Spór o model parlamentaryzmu polskiego do roku 1926. Warszawa, 1972, s. 281.

⁴⁰ L. H a s s. Kształtowanie się lewicowego nurtu w Polskiej Partii Socjalistycznej na tle sytuacji wewnątrzpartyjnej (listopad 1923 — maj 1926).— «Kwartalnik Historyczny», 1961, № 1, s. 101—102.

⁴¹ A. F i d e r k i e w i c z. Op. cit., s. 302—303.

⁴² «Robotnik», 2.V.1926.

⁴³ «Robotnik», 3, 7.V.1926.

⁴⁴ «Robotnik», 9.V.1926.

⁴⁵ «Robotnik», 10.V.1926.

«Трубуна» открывалась редакционной статьей «Надвигается фашизм». Фашистская опасность, говорилось в ней, стала в Польше совершенно реальной; она особенно грозна ввиду предательской роли, которую играют вожди ППС, показавшие 1 мая на улицах Варшавы готовность идти на все для спасения буржуазного строя. «Буржуазия слишком слаба, слишком малочисленна, чтобы суметь справиться с массами трудящихся. Для этого ей необходимы вспомогательные организации, выросшие на рабочей почве и благодаря этому не обладающие открытым буржуазным обликом... Фашизм наступает. Рабочие и крестьянские массы должны собрать все силы для борьбы против этой грозной опасности». «Трубуна» призывала к созданию единого антифашистского фронта, объединяющего рабочих и крестьянские массы и трудовую интеллигенцию без различия партийной принадлежности⁴⁶.

Тезис о том, что для разгрома фашизма нужно сплочение всех демократических сил, в первую очередь единство действий рабочего класса, с особой силой был подчеркнут в листовке, вложенной в первый номер еженедельника. Она была посвящена нападению пепезовских боевиков на безоружных рабочих в день 1 мая. Авторы листовки — депутаты-коммунисты А. Варский и Е. Сохакский — требовали общерабочего суда над убийцами, заявляя, что боевики «подобающим образом увенчали пятимесячное совместное правление вождей ППС с фашистами Хьены—Пяста». Они в то же время разъясняли, что рабочие, идущие за лидерами ППС, — «наши классовые братья, наши товарищи в завтрашней борьбе». В других материалах газеты отмечался страх вождей ППС перед возможностью возникновения в Польше керенщины, т. е. такого буржуазного правительства, которое будет пытаться заигрывать с массами, но потеряв их доверие, как бы откроет путь к социалистической революции.

В следующем номере «Трубуна», который вышел в свет уже после государственного переворота, но, как видно из его содержания, готовился к печати еще до него, имелась ссылка на польскую фашистскую газету, со злорадством писавшую о том, как боевики ППС, используя грузовики, любезно предоставленные им городским магистратом, «справляли красный самосуд». А. Варский в статье «Что дальше?» писал, что, создав с участием «Вызволене» и некоторых других «левых» партий нечто вроде рабоче-крестьянского блока, ППС стремится подчинить массы влиянию Пилсудского⁴⁷.

В статьях «Трубуна» нашли отражение тезисы Политбюро ЦК КПП, подготовленные еще в начале апреля 1926 г. и тогда же направленные представительство КПП при ИККИ. В них отмечалось, что имя Пилсудского все «в большей мере становится знаменем оппозиционных партий», что с Пилсудским связывает свои надежды та часть масс, которая еще не готова пойти вместе с коммунистами и для которой Пилсудский является последней иллюзией. Задачей КПП, указывалось в тезисах, является отрыв этой части масс от Пилсудского и пилсудчины и в то же время поддержка «всех демократических сил, ведущих борьбу против фашизма, в защиту республиканско-демократических институтов и рабоче-крестьянских требований»⁴⁸.

Эта практическая линия, несмотря на некоторую противоречивость, в основном учитывала сложность борьбы за упрочение антифашистских сил, создание широкого антифашистского фронта, в ходе развития которого предстояло раскрыть массам подлинное лицо Пилсудского и пилсудчиков и изолировать их от масс.

К тому времени, когда процитированные выше материалы коммунистической газеты увидели свет, уже успели отгременить залпы орудий, закончилось мнимое одиночество «отшельника из Сулеювек» и начался период его диктатуры.

Как же это произошло?

VII

Чем больше затягивался правительственный кризис, тем напряженнее становилось положение в стране. Сейм лихорадило от всевозможных слухов. В его кулуарах особенно активничали пилсудчики. Как позднее вспоминал депутат-пистовец, вечером 8 мая в сейм явился полковник Медзильский с продиктованным Пилсудским

⁴⁶ «Трубуна», № 1, 8.V.1926.

⁴⁷ «Трубуна», 15.V.1926.

⁴⁸ T. F e d e r. Sprawa przewrotu majowego. 1926 r. na Komisji Polskiej Międzynarodowski Komunistycznej. — «Z pola walki», 1967, № 2.

заявлением о том, что будущий военный министр должен располагать гарантиями, «обеспечивающими моральные и материальные интересы армии». Это было понято как предупреждение, что маршал решил не признавать никакого парламентского или внепарламентского кабинета, который не будет следовать его желаниям; близкие к Пилсудскому лица — Венява-Длугошовский, Орлич-Дрэшэр, Славек и другие — не скрывали, что Пилсудский «быстрейшими шагами пробирается к власти»⁴⁹.

На следующий день в печати появилось интервью Витоса, содержавшее резкие предостережения в адрес маршала и указание на необходимость образования «правительства сильной руки»⁵⁰. А в ночь на 9 мая на квартире Витоса закончились продолжительные переговоры о создании правительства на основе сеймовского правополитического большинства — к власти возвращалась коалиция Хьена—Пяст во главе с тем же Витосом. В руководстве Пяста не было полного единодушия и некоторые деятели этой партии, в частности Ратай, были против создания правополитической коалиции⁵¹. Военным министром в кабинете Витоса стал малоизвестный генерал Ю. Мальчевский. Заняв несколькими месяцами ранее пост командира корпуса в Варшаве, Мальчевский самопадежно заверил эндецких деятелей, что он полностью контролирует положение в столице⁵². Ход событий, однако, показал, что генерал заблуждался.

Возвращение к власти хьено-пястовского правительства было прямым вызовом со стороны оголтелых сил реакции всей польской демократии, рабочему классу, национальным меньшинствам. Оно предвещало новое наступление на жизненный уровень, социальные завоевания, политические права народных масс и было чревато таким обострением классовой борьбы, что политическая и экономическая стабилизация, которую жаждали деловые круги, становилась маловероятной. К тому же приход к власти в Польше партий, традиционно придерживавшихся французской ориентации, не соответствовал новому соотношению сил в капиталистической Европе. Империалистическая Англия имела одной из своих ближайших целей ослабить антинемецкие тенденции во внешней политике Польши и способствовать возврату к власти в стране представителей наиболее агрессивных антисоветских кругов. Видимо, этим объяснялась поездка английского посла в Польшу В. Макс Мюллера в Сулеювек к Пилсудскому и недоброжелательное отношение английского правительства к формированию кабинета Витоса⁵³. Французское правительство также учитывало возможные изменения в правящих кругах Польши, и новый французский посол в Варшаве Ж. Ларош, как он сам пишет, так спешил встретиться с Пилсудским, что, минуя официальные инстанции, прибег к посредничеству адъютанта маршала — полковника Б. Венявы-Длугошовского. Во время длительной беседы в Сулеювеках (французский посол побывал там уже 5—6 мая) Пилсудский, наряду с другими вопросами, остановился и на кризисе польского парламентаризма, который, как он сказал, может быть преодолен лишь авторитарным правительством⁵⁴.

Через несколько часов после того, как стало известно об образовании правительства Витоса, сеймовские фракции ППС, «Вызволене» и сотрудничавшие с ним Крестьянская партия и Партия труда приняли резолюцию, направленную против правительства. Публикуя эту резолюцию, «Robotnik» в передовой статье характеризовал кабинет Витоса как правительство черной реакции⁵⁵.

Новое правительство не реагировало на выступление «Robotnik», но одним из первых его действий была конфискация другой газеты — «Kurjer Poranny» за публи-

⁴⁹ H. D z e n d z e l. Powstanie i upadek rządu premiera Wincentego Witosa w maju 1926 roku (W świetle wspomnień). — «Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego». 1966, № 8, s. 315—316.

⁵⁰ «Nowy Karier Polski», 9.V.1926.

⁵¹ St. L a t o. Maciej Rataj (1884—1940). — «Przywódcy ruchu ludowego». 1968, s. 266.

⁵² S. G ł a b i ń s k i. Wspomnienia polityczne. Pelplin, 1939, s. 549.

⁵³ St. A r s k i. My pierwsza brygada. Warszawa, 1963, s. 453, 442; A. A j n e n - k i e l. Od rządów ludowych., s. 321—322.

⁵⁴ J. L a r o c h e. Polska lat 1926—1935. Warszawa, 1966, s. 33.

⁵⁵ «Robotnik», 11.V.1926.

нацию интервью Пилсудского, в котором тот, не жалея и вполне покорных ему деятелей ППС, говорил о разнузданном господстве над Польшей партий, помнящих только о деньгах и выгоде, весьма оскорбительно высказывался в адрес нового кабинета и лично Витоса и практически призвал к открытой борьбе против нового правительства⁵⁶.

Призыв не остался безответным: к вечеру во многих варшавских ресторанах и кафе молодые офицеры бурно демонстрировали свою приверженность Пилсудскому и вражду к правительству⁵⁷. То, что в движение раньше всего пришли именно офицеры-пилсудчики, определялось и их ведущим местом в пилсудчиковском лагере и тем, что именно они сразу же ощутили на себе последствия правительственного курса Хьены — Пяста. Новый военный министр немедленно произвел ряд заранее намеченных перемещений на руководящих постах министерства. Например, начальник личного отдела министерства был назначен офицер, близкий Сикорскому.

ЦИК ППС, выразив сожаление, что в интервью Пилсудского содержались выпады и против деятелей этой партии, принял заявление, в котором осудил сам факт образования реакционного правительства и то, что оно конфисковало газету «Kurjer Poranny». «Правительство Хьены — Пяста, — возмущался автор передовой статьи в «Robotnik», — хочет закрыть ему [Пилсудскому] рот»⁵⁸.

Между тем события принимали весьма грозный оборот: заговор пилсудчиков разворачивался. Теперь в движение были приведены части войск со значительной прослойкой пилсудчиков. В соответствии с приказом, отданным еще Желиговским, в Рембертув, что в 8 км от Варшавы, прибыл 7-й полк улан. Туда же направлялись и другие пилсудчиковские воинские части, вызванные полковниками Медзиньским и Венявой-Длугошовским. Концентрация войск проводилась под предлогом учений, которыми должен был командовать маршал. Эти войска, а также находившийся в Седльцах 22-й пехотный полк и начали поход на Варшаву. Оперативное руководство подготовкой и ходом заговора осуществляли многие офицеры, сохранявшие ключевые посты в военном министерстве и в генеральном штабе или назначенные туда Желиговским, — начальник административного отдела министерства генерал Д. Конашевский, его заместитель, легионер генерал М. Норвид-Неугебауэр, заместитель начальника генерального штаба генерал С. Бухард-Букацкий, полковники генерального штаба Ю. Бек и В. Стахевич, командир кавалерийской дивизии генерал Г. Орлич-Дрэшер, высшие корпусные офицеры в Гродно, Бресте, Люблине, Лодзи⁵⁹.

Днем 13 мая в Варшаве вышли экстренные выпуски газет, содержавшие различную трактовку событий. В «Robotnik» излагались «беспокойные слухи», что якобы дом маршала Пилсудского в Сулеювках подвергся обстрелу, а сам маршал арестован. Под влиянием этих слухов, утверждала газета, войска возмущились и стали на защиту Пилсудского. Опубликованное тут же воззвание ЦИК ППС оценивало кабинет Витоса уже не только как правительство черной реакции, но и как правительство, опирающееся на соединенные силы «наичернейшей фашистско-монархическо-спекулянтской реакции», и призывало прогнать его⁶⁰.

Этот документ свидетельствует о том, что руководство ППС выдавало начавшееся вооруженное выступление пилсудчиков за движение антифашистское, имеющее даже некоторый антикапиталистический оттенок. Несомненно, руководители пилсудчиковского заговора были прекрасно осведомлены о том, что правые лидеры ППС — сосед Пилсудского по Сулеювкам Е. Морачевский, а также Р. Яворовский, И. Дашинский и многие другие — окажут им полную поддержку. Фактически же поддержала их ППС в целом. Более того, Пилсудский стал как бы олицетворением всеобщего недовольства политикой реакционного блока Хьены — Пяста. Как отмечал позднее Г. Димитров, начатый Пилсудским «поход» на Варшаву, подобно ряду фашистских выступлений в других странах, импонировал массам, разочарованным продажностью и коррупцией, царившей в правящих кругах, хищничеством банков, трестов, финансовых магнатов;

⁵⁶ «Kurjer Poranny», 11.V.1926.

⁵⁷ См. «Правда», 14.V.1926.

⁵⁸ «Robotnik», 12.V.1926.

⁵⁹ M. R o m e j k o. Op. cit., s. 279; St. A r s k i. Op. cit., s. 403.

⁶⁰ «Robotnik», 12.V.1926.

привлекательными выглядели требования «честной и неподкупной власти», действия от имени «всей нации» и ради «спасения» нации⁶¹.

КПП с самого начала событий отмечала ограниченность целей, выдвигаемых пилсудчиками, но в то же время призывала рабочих поддержать борьбу против правительства Хьены — Пяста. «Рабочие, вы знайте, — писал ЦК КПП в листовке, выпущенной 12 мая, — что ваши цели идут дальше целей Пилсудского. Но в этой борьбе место революционных рабочих в рядах противников правительства национал-демократов, христианских демократов, Пяста и фашистов». Лозунгом рабочих, писал ЦК КПП, должно быть: «Долой правительство Хьены — Пяста! Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!»⁶².

Правительство Витоса опубликовало воззвание, в котором, призывая к спокойствию, сообщало, что «обеспечило столицу от вторжения взбунтовавшихся»⁶³. Примерно к тому времени, когда это воззвание увидело свет, правобережный пригород столицы Прага уже находился в руках пилсудчиковских войск. К прибывшим из Рембертува частям присоединился квартировавший на Праге 36-й пехотный полк. Заняв на правобережной части города полицейский участок, пилсудчики разоружили полицейских, но вскоре вернули им оружие и предоставили возможность продолжать обычную деятельность — не в интересах заговора была ликвидация такого орудия подавления революционного движения, как полиция.

Когда взбунтовавшиеся части — всего до 2 тыс. солдат и офицеров — подошли к Висле, то оказалось, что мосты, ведущие в собственно Варшаву, заняты правительственными войсками, успевшими возвести на них оборонительные сооружения. У моста Понятовского правительство выставило три танка и два орудия⁶⁴. Именно здесь произошла сцена, похожая на фарс. В 5 час. вечера со стороны города сюда подъехал президент Войцеховский, со стороны пригорода — Пилсудский в сопровождении генерала Орлич-Дрэншера. Оба бывших пенеэсовца — президент и маршал — прошли по мосту навстречу друг другу, коротко поговорили, обменялись рукопожатиями и разошлись в разные стороны⁶⁵.

Спустя полтора-два часа начались вооруженные действия между пилсудчиковскими частями и правительственными войсками. Заговорщики, преодолев слабое противодействие правительственных войск, проникли через мост Кербедзя в центр города, овладели зданием президиума совета министров, узлом военной связи, телефонной станцией, вокзалами. Некоторые, расположенные в городе части, а также один из двух полков, занимавших Варшавскую цитадель, отказались повиноваться правительству. Пилсудчикам удалось потеснить правительственные войска. Они без труда захватили здания военного министерства, командования Варшавского военного округа и ряд других административных центров. Уличные бои проходили с переменным успехом. Правительство вызвало войска из Познаньского и Поморского военных округов, являвшихся главной опорой эндеции. Но один из пилсудчиковских генералов, арестовав командующего Лодзинским военным округом и взяв командование в свои руки, тем самым отрезал столицу от западных воеводств⁶⁶. Пытаясь спасти положение, правительство предписало Сикорскому прибыть в Варшаву, направить в столицу войска Львовского военного округа. Сикорский, ссылаясь на сложность положения в Западной Украине, категорически отказался оставить Львов и направил в Варшаву лишь небольшие силы. Но и те генералы, которые твердо стояли на стороне реакционного правительства, были не в состоянии оказать ему сколько-нибудь существенную помощь.

Все более широкие круги рабочего класса поднимались на борьбу против правительства Хьены — Пяста. Вслед за призывом профсоюза железнодорожников бастовать и не допускать в Варшаву правительственные войска Варшавский окружной комитет ППС и совет профсоюзов объявили 14 мая всеобщую забастовку в сто-

⁶¹ Г. Д и м и т р о в. Избранные сочинения, т. I. М., 1957, стр. 380.

⁶² «Трубина», 19.V.1926; «Правда», 19.V.1926.

⁶³ «Правда», 14.V.1926.

⁶⁴ «Robotnik», 13.V.1926.

⁶⁵ St. A r s k i. Op. cit., s. 418; «Красная звезда», 15.V.1926.

⁶⁶ «Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza», t. XI. Poznań, 1960, s.

лице⁶⁷. Забастовка практически охватила всю страну. В десятках мест отряды Стрелецкого союза, насчитывавшего свыше 120 тыс. членов и опиравшиеся на кадры бывшей ПОВ⁶⁸, и добровольческие отряды рабочих полностью контролировали улицы, мосты и административные здания.

Коммунистическая партия, участвуя в борьбе против фашизма, пыталась определить особые интересы трудящихся и свое особое место в этой борьбе. Листовка, выпущенная КПП 13 мая, указывая, что победа фашистов Хьены — Пяста «была бы приговором для рабочего класса», призывала рабочих вооружаться и избирать на всех предприятиях общерабочие комитеты борьбы против фашизма⁶⁹. Разъясняя позицию партии, ее центральный орган «Czerwony Sztandar» писала в тот же день, что в происходящей борьбе «все силы революционного пролетариата должны быть брошены против Хьены — Пяста». Поддерживая борьбу солдат — речь шла о воинских частях, выступивших против правительства, — народные массы, подчеркивала КПП, должны вместе с тем выдвинуть свои требования: вооружение рабочих и крестьян, освобождение политических заключенных, хлеба и работы для рабочих, усиление имущественного налога с собственнических классов, передача земли крестьянам без выкупа, свобода угнетенным народам⁷⁰. ЦК КПП обратился с письмом к ЦИК ППС, к руководству «Вызволене» и ряду других демократических организаций, в котором указывалось на жизненную необходимость создания единого рабоче-крестьянского фронта и рабоче-крестьянских комитетов борьбы против фашизма⁷¹.

ППС не только единогласным решением своего ЦИК отвергла предлагавшееся КПП единство действий⁷², но и делала все для углубления раскола рабочего класса и усиления антикоммунистической и антисоветской кампании, сопутствовавшей пилсудчиковскому заговору. В связи с призывом КПП создавать рабочие комитеты действия «Robotnik» писал, что «ППС решительно и со всей силой противопоставляет себя» коммунистам⁷³.

Митинги, которые созывались коммунистами, пропагандировавшими свои требования и идею единого рабочего фронта, с одинаковым усердием разгонялись и правительственной администрацией, и пилсудчиковским офицерством, и боевиками ППС. С особой ненавистью правые в ППС встречали каждое выступление депутата-коммуниста Е. Сохацкого (до перехода в КПП один из руководящих деятелей ППС). 13 мая после выступления Сохацкого на митинге боевики ППС попытались его убить. «Так в первый день общей борьбы всей рабочей Варшавы против фашизма, — писала «Trybuna», — боевики ППС пустили свое оружие против депутата-коммуниста»⁷⁴.

В ходе уличных боев в Варшаве 13 мая пополненные некоторыми частями, прибывшими из Познани, правительственные войска, которыми командовали генерал Т. Розвадовский и его начальник штаба полковник В. Андерс, потеснили пилсудчиков. Пилсудский неоднократно пытался вступить в переговоры с президентом Войцеховским, но встречал отказ⁷⁵, ибо правительство ожидало подхода к Варшаве верных ему войск.

Однако стачка железнодорожников и начавшаяся вслед за тем всеобщая стачка привели к решительному изменению положения не в пользу правительства. На некоторых улицах Варшавы рабочие сооружали баррикады, формировали отряды для борьбы против правительства. Как писал спустя несколько дней Варский, Пилсудский «опасался расширения борьбы на всю Польшу, ибо это повлекло бы за собой революционную мобилизацию рабочих и крестьянских масс и поставило бы в порядок дня все те рабочие и крестьянские проблемы, которые лежат в основе нынешнего государственного кризиса Польши»⁷⁶.

⁶⁷ «Robotnik», 13.V.1926.

⁶⁸ M. Piętrza k. Op. cit., s. 134.

⁶⁹ «Trybuna», 19.V.1926.

⁷⁰ «Czerwony Sztandar», 13.V.1926.

⁷¹ См. «Правда», 18.V.1926.

⁷² A. Tymieniecka. Op. cit., s. 143.

⁷³ «Robotnik», 14.V.1926.

⁷⁴ «Trybuna», 19.V.1926.

⁷⁵ A. Ajnenkiel. Od rządów ludowych..., s. 332—334; W. Póbo g - Mali - nowski. Op. cit., s. 481.

⁷⁶ «Trybuna», 19.V.1926.

«В не меньшей мере, чем Пилсудский, расширение борьбы опасалось и правительство. Убедившись, что в Варшаве нет какой-либо серьезной опоры, члены правительства решили на самолетах отправиться в Познань. Военно-воздушные силы еще оставались верными правительству и президенту. Летчики даже сбросили несколько бомб на пилсудчиковские части и пытались разрушить железную дорогу, по которой на помощь пилсудчикам двигались эшелоны из Вильно. Но днем 14 мая варшавский аэродром захватили пилсудчики. Министры, потеряв аэродром, собрались выехать в Познань на автомобилях. Однако шоферы сбежали, предварительно проколов шины. Тогда премьер-министр, министры, кучка генералов, охраняемые небольшим отрядом под командованием Андерса, пешком отправились из Бельведера в загородный дворец Вилиянув. Положение правительства еще было далеко не безнадежным: к Варшаве подходили довольно крупные силы под командованием верных правительству генералов. Но продолжение сопротивления грозило превратить борьбу с авантюристическим в основе своей «походом на Варшаву» в подлинную гражданскую войну. Этого больше всего боялись обе стороны. 14 мая 1926 г. в 17 час. 30 мин. в Вилиянуве было принято решение об отставке правительства во избежание расширения гражданской войны»⁷⁷. Президент пригласил в Вилиянув маршала сейма Ратая. С благословения Пилсудского тот принял, в соответствии со ст. 40 конституции, функции главы государства от Войцеховского. Как и после убийства Нарutowича, тот же Ратай, один из лидеров партии Пяст, вторично стал временным главой государства.

Еще до завершения всех этих формальностей, явно свидетельствовавших о том, что Пилсудский и другие главы переворота стремились побыстрее покончить с вооруженной борьбой даже ценой компромисса со своими противниками, ППС призвала к прекращению стачки. Это отвечало главным образом стремлениям тех кругов, которые больше всего боялись продолжения и углубления борьбы. В экстренном выпуске «Robotnik» с восторгом отмечалось, что «Бельведер наш»⁷⁸.

Действительно, не Ратай, номинально ставший временным главой государства, а лидер сил, совершивших государственный переворот, фактически господствовал в стране. Разные классы и партии ждали от него различных действий, но почти все они сходились на том, что фактический диктатор поторопится распустить сейм и сенат, правоцентристское большинство которых составило парламентскую основу свергнутого правительства Хьены — Пяста. А это суждение стоило немалых жертв: во время уличных боев в Варшаве было убито 379 человек и зарегистрировано 920 раненых⁷⁹.

Первые же действия диктатора показали, что он явно готов идти навстречу своим вчерашним противникам. Определялось это, конечно, не тем, что многие воинские части продолжали находиться в подчинении у антипилсудчиковской части генералитета, что эндеки продолжали удерживать власть на территории Познаньского и Поморского воеводств и в ряде административных центров за пределами этих воеводств — Пилсудский прежде всего стремился поскорее завершить развязанную им борьбу. По его указанию Ратай назначил главой правительства бывшего члена «Вызволене», лидера малоизвестной Партии труда, профессора Львовского политехнического института К. Бартеля, издавна являвшегося послушным исполнителем воли маршала. В сеймовской фракции Партии труда насчитывалось всего пять человек. С Бартелем, как с возможным своим ставленником на пост главы государства, Пилсудский вел переговоры еще осенью 1925 г.⁸⁰ Ему было предложено привлечь в правительство и познаньского воеводу эндека графа А. Бниньского, и заместителя председателя Левиафана И. Гливица, и кого-либо из деятелей ППС, — словом, всех, кто проявит готовность поскорее нормализовать положение. В правительство действительно вошел Гливиц, военным министром стал сам Пилсудский, а пост министра внутренних дел занял бывший волянский воевода колонизатор В. Млодзяновский. Даже «Robotnik» решился выразить возмущение последним назначением и напомнить, что Млодзяновский хорошо известен на «кресах» своей «грубой реакцией»⁸¹. (Весьма показатель-

⁷⁷ H. D z e n d z e l. Op. cit., s. 339—342.

⁷⁸ «Robotnik», 14.V.1926.

⁷⁹ B. W o s z c z y n s k i. Wypadki majowe 1926 roku w liczbach.— «Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914—1939», t. X. Warszawa, 1966, s. 239.

⁸⁰ W. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Op. cit., s. 468.

⁸¹ «Robotnik», 16.V.1926.

было и то, что новые власти не произвели каких-либо изменений в составе правления Банка Польского⁸².) В целом, однако, ППС выражала восторг по поводу низвержения правительства Витоса. Выдвинув звучный лозунг «Демократия с Пилсудским, Пилсудский с демократией!», «Robotnik» тут же дал свое толкование этой «демократии» как строя, обращенного против коммунизма, против КПП, против СССР⁸³. Такое толкование «демократии» лишь прокладывало путь произволу, террору, диктату.

Уже 16 мая, сразу после того, как стало известно, что Пилсудский вступил в соглашение с правоцентристскими сеймом и сенатом, «Czerwony Sztandar» гневно выступил против Пилсудского. В двух воззваниях, выпущенных 16 и 17 мая, ЦК КПП клеймил действия Пилсудского, вошедшего в сделку с врагами трудового народа, и призывал массы к дальнейшей борьбе за хлеб, труд, землю, за рабоче-крестьянское правительство⁸⁴.

VIII

Овладев властью, Пилсудский поторопился придать совершенному им государственному перевороту какую-то видимость законности. Поэтому Пилсудский не разогнал сейм и сенат, где преобладали те, кого было принято считать его противниками, а распорядился именно этому составу сейма и сената произвести выборы нового президента⁸⁵. Национальное собрание было создано 31 мая 1926 г. К этому времени полностью улеглось беспокойство тех имущих кругов, которые, отдавая себе отчет, что захват власти пилсудчиками не угрожает их коренным интересам и даже, наоборот, направлен на то, чтобы упрочить существующий социальный строй, первоначально все же были встревожены выступлениями масс. Сами массы еще не успели разобраться в том, что же им сулит новая власть, и продолжали питать надежду на подлинное оздоровление, на действительную санацию экономики, государственного аппарата, всей общественной жизни. Такого рода иллюзиям способствовало и то обстоятельство, что захват власти пилсудчиками, происходивший в условиях некоторого экономического оживления, совпал с довольно мощным импульсом, сказавшимся прежде всего в ключевой отрасли польской промышленности: в мае несколько возросла добыча угля — по сравнению с апрелем на 53 тыс. т. Англия, никогда ранее не ввозившая уголь, оказалась вынужденной в связи с многомесячной стачкой углекопов закупать польский уголь⁸⁶.

Правительство консерваторов, находившееся у власти в Англии, благоприятно встретило майский переворот. В донесении, направленном польским послом в Англии К. Скирмунтом в Варшаву 20 мая 1926 г., сообщалось, что английские правящие круги связывают с захватом власти Пилсудским надежду на стабилизацию отношений в Центральной Европе. При этом, как разъяснял посол, английское толкование стабилизации отношений, антисоветская репутация Пилсудского «делает его ценным для тех, кто считает Советы за главную опасность и главный источник будущих трудностей в Европе». Эти же круги считали, что Пилсудский «болео склонен к соглашению с Германией», чем правоцентристские правительства. Финансовые и промышленные сферы Англии, докладывал Скирмунт, «желают содействовать санации финансов Польши»⁸⁷.

В тот день, когда Скирмунт направлял свое донесение в Варшаву, Пилсудский, еще задолго до переворота знавший о благожелательном отношении к себе со стороны английского правительства, нанес визит французскому послу Ларошу: у маршала не было оснований круто изменять традиции франко-польских отношений. Маршал

⁸² Ibidem.

⁸³ «Robotnik», 15.V.1926.

⁸⁴ T. F e d e r. Op. cit., s. 14.

⁸⁵ «Robotnik», 15.V.1926. Пилсудчики также опасались, что при сохранении существовавшего избирательного закона новые выборы не принесут им победу. — T. S m o - l i ŋ s k i. Diktatura Józefa Piłsudskiego w świetle konstytucji marcowej w latach 1926—1936. Poznań, 1970, s. 14.

⁸⁶ В июне 1926 г. Польша вывезла в Англию 221 тыс. т угля, в июле — 505, в августе — 779, в сентябре — 762 тыс. т. — ЦПА, ИМЛ, ф. 135, оп. 1, л. 162, л. 97.

⁸⁷ «Przewrót majowy w raportach poselstwa RP w Londynie». — «Kwartalnik Historyczny», 1959, № 1, s. 156.

был любезно принят французским послом, ибо и в Париже не желали ослабления связей с Польшей. Французское правительство, как это вытекало из телеграммы министра иностранных дел А. Бриана Ларошу, полученной последним до встречи с Пилсудским, отдавало себе отчет в том, что «Пилсудский, враждебный и подозрительный в отношении России, будет искать соглашения с Берлином»⁸⁸.

Хотя немецкий посол в Варшаве социал-демократ У. Раушер в обстоятельной информации, направленной в Берлин 15 мая 1926 г., выразил сомнение в том, что Германия с помощью Пилсудского сможет осуществить свои цели в отношении Польши, немецкая буржуазия, однако, видела в Пилсудском человека, настроенного решительно пронемецки⁸⁹. Наконец, правительство фашистской Италии, ранее в основном связанное с эндецими почитателями Муссолини, получив телеграмму от военного атташе К. Барбьери о беседе 17 мая 1926 г. с Пилсудским, сообщившим ему о расстреле коммунистов, и ознакомившись с рядом аналогичных донесений посла Д. Майони, отошло от выжидательной позиции и стало выражать симпатии Пилсудскому⁹⁰. Его поддержал и Ватикан⁹¹. Таким образом, правительства капиталистической Европы заняли позицию, благоприятную новому режиму в Польше.

Во внутренней политике нового режима раньше всего обозначился резкий антикоммунистический курс. Если правительство Витоса конфисковало второй номер еженедельника «Trybuna», вышедший до майских событий, то пилсудчиковские власти изъяли вышедший после переворота третий номер еженедельника. Такая же судьба постигла и все последующие номера⁹², в которых развивались идеи борьбы за рабоче-крестьянское правительство, против фашизма, разоблачались «моральная революция» пилсудчиков, над которой «витают дух Левиафана», и сам Пилсудский, превращающийся в польского Муссолини⁹³. Административные и судебные органы тотчас же после захвата пилсудчиками власти усилили репрессии против КПП. На заседании Национального собрания 31 мая депутаты-коммунисты заявили, что будут голосовать против выдвинутой ППС и связанных с ней партий кандидатуры Пилсудского на пост президента, так как он является ставленником «капиталистов, банкиров, помещиков и фашистов»⁹⁴.

За два дня до заседания Национального собрания, 29 мая 1926 г., Пилсудский принял представителей ряда сеймовских партий и весьма недвусмысленно заявил, что если выборы президента пройдут не так, как он ожидает, то депутатам это не сулит ничего хорошего — он не хотел бы «справить с помощью кнута»⁹⁵. Еще 28 мая лондонская «The Times» опубликовала статью в поддержку Пилсудского, немедленно перепечатанную многими польскими газетами. А глава польских финансовых и промышленных тузов, председатель Левиафана, депутат от эндеции А. Вержбицкий подчеркнул, что «Пилсудский — единственный человек, способный обеспечить промышленности удлиннение рабочего дня»⁹⁶. При первом же туре голосования Пилсудский собрал абсолютное большинство голосов и был избран президентом Польши. Государственный переворот получил своего рода конституционное оформление.

После выборов последовало нечто совершенно неожиданное: добившись узаконения государственного переворота, Пилсудский, не скрывая своего полного презрения к «демократии», отказался занять пост президента, заявив, что он будет военным министром и главным инспектором армии. Пилсудский при этом потребовал, чтобы в президенты был избран его давнишний друг, совершенно неизвестный в поли-

⁸⁸ J. L a r o c h e. Op. cit., s. 40; I. B o r e j s z a. Francuzi o zamachu majowym. — «Polityka», № 50 (876), 15.XII. 1973.

⁸⁹ «Przewrót majowy 1926 r. w ocenie przedstawicieli dyplomatycznych Rzeszy Niemieckiej». — «Przegląd Zachodni», 1967, № 5, s. 92—95; A. C z u b i Ń s k i. Opinia publiczna w Niemczech wobec kzyzysu politycznego w Polsce na przełomie lat 1925/1926. — «Zeszyty naukowe Uniwersitetu im. Adama Mickiewicza. Historia», zeszyt 8, 1968, s. 325—348.

⁹⁰ J. B o r e j s z a. Marsz na Warszawę — wersja włoska. — «Polityka», № 2 (828), 13.I.1973.

⁹¹ «Jana Drohojowskiego wspomnienia dyplomatyczne». Kraków, 1969, s. 77.

⁹² Последний, 14-й номер «Trybuna» был отпечатан 22 августа 1926 г.

⁹³ «Trybuna», 12.VI.1926.

⁹⁴ J. K o w a ł s k i. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego. Warszawa, 1962, s. 348.

⁹⁵ J. P i ł s u d s k i. Pisma zbiorowe, t. IX. Warszawa, 1937, s. 32.

⁹⁶ См. «Красная Звезда», 1.VI.1926.

тических кругах профессор Львовского политехнического института, директор Хожувского азотно-химического завода И. Мосьцицкий. Даже ППС возмущил этот поступок, и она попыталась противопоставить Мосьцицкому своего кандидата — Марека. Но так как Мосьцицкий собрал при первом туре голосования всего на четыре голоса больше кандидата эддеции Биньского, то при втором туре голосования ППС, сняв кандидатуру Марека, отдала свои голоса кандидату, назначенному Пилсудским.

По требованию Пилсудского, продолжавшего глумиться над «избранниками народа», новый президент принес присягу не в здании сейма, а в резиденции диктатора, куда явились все члены Национального собрания, кроме крайне левых⁹⁷. Вслед за тем последовал ряд изменений конституции, закрывших политическое всевластие Пилсудского и его клики.

* * *

Майские события в Польше в 1926 г., естественно, привлекли к себе внимание во всем мире. Как уже отмечалось, исход этих событий стал предметом пристального рассмотрения со стороны ряда пленумов ЦК КПП, ВКП(б), Коммунистического Интернационала. Острая дискуссия о характере майских событий, об ошибках КПП, несколько не верившей в лозунги Пилсудского, но считавшей, что рабочим и крестьянам удастся навязать ему революционную программу, развернулась среди польских коммунистов⁹⁸. Изучалось положение Польши перед государственным переворотом, причины иллюзий, которые смогли использовать организаторы государственного переворота. Исполком Коминтерна отметил, что Пилсудский «был той фигурой, на которой временно скреплялись чаяния и лодзинского безработного, и белорусского крестьянина, и разоренной экономической чехардой мелкой городской буржуазии. Поэтому в своем выступлении он опирался, помимо чисто легионерско-фашистских элементов, и на те слои населения, которые при наличии сильной Коммунистической партии, при наличии сплоченности и единства пролетариата, как класса, могли бы составить армию рабоче-крестьянской революции». Исполком Коминтерна подчеркнул также, что руководство КПП видело опасность фашизма, но ошибочно считало, что «санация» — это не фашизм, а нечто совершенно иное⁹⁹. Вместе с тем всем было ясно, что именно КПП предстоит длительная и трудная борьба против установившегося в стране режима, что КПП является единственной силой, способной сплотить трудящихся и всех антифашистов на борьбу за новую, демократическую, прогрессивную Польшу.

Естественно, особое внимание международного рабочего и коммунистического движения привлекли историческая ответственность ППС за политику антикоммунизма, за возвеличивание Пилсудского и установление в Польше режима «санации».

Раскрытие свойственных режиму «санации» методов функционирования буржуазного государства требует специального рассмотрения. В данной статье можно подчеркнуть лишь самое существенное. Сложный состав политических и социальных сил, участвовавших в майских событиях 1926 г. в Польше, и особые черты сложившегося в ней политического режима нередко затрудняли распознавание его классовой сущности и характера. Тем не менее объективная суть майского переворота 1926 г. состояла в установлении в Польше фашистского режима, выступавшего в специфической форме «санации», развивавшейся чем дальше, тем в большей мере в режим, во всех своих главных чертах сходный с известными «образцами» фашизма в Италии и Германии. Были у режима «санации» и специфические черты. Парадокс майского переворота состоял в том, что его главной движущей силой были демократические элементы, борющиеся против реакции в ее эддеcko-фашистском проявлении. Но собственной подлинно массовой организацией пилсудчики ко времени переворота не располагали. Это надолго наложило особый отпечаток на весь режим «санации». Пилсудчики не сумели создать массовую политическую организацию и в последующие годы. Ввиду того,

⁹⁷ См. «Красная Звезда», 15.VI.1926.

⁹⁸ M. K o s z u t s k a. Pisma i przemówienia, t. III. Warszawa, 1962, s. 5—20; «Nowy Przegląd», 1926. Reedycja. Warszawa, 1961, s. 309—538; H. L a u e r - B r a n d. Pisma i przemówienia. Warszawa, 1970, s. 217—286, и др.

⁹⁹ «Коммунистический Интернационал», 1926, № 8, стр. 8, 10.

что их политика не могла привести к ослаблению внутренних противоречий и в целях обеспечения определенной политической отдушины, которая давала бы выход недовольству масс, убеждавшихся в тщетности своих надежд относительно действительной санации, создатели режима «санации» оказались перед необходимостью допущения некоторой легальной оппозиции. Слабость польского империализма вынуждала отстаивавшую его устои диктатуру маневрировать, сохранять сейм, терпеть кое-какую критику в свой адрес. Но все это допускалось лишь в пределах, обеспечивавших определенные выгоды режиму диктатуры, и сопровождалось постоянным нарастанием террора по отношению к рабочим, трудящимся крестьянам, угнетенным национальностям.

Режим «санации» эволюционировал на протяжении своего существования. Далеко не одинакова была на разных этапах и политическая опора этого режима. Чуть заколебались под давлением масс правосоциалистические и другие политические круги, выпестовавшие диктатора, как Пилсудский обрушился на них не только с обычной для него бранью, но и с суровыми репрессиями: по приказу Пилсудского были заточены в Брестскую крепость и преданы затем суду многие его бывшие личные и политические друзья¹⁰⁰. Он постоянно терроризировал сейм и сенат, все представленные в них политические партии.

Наиболее значительными вехами развития режима были: заключение в январе 1934 г. польско-германского договора, выведившего гитлеровскую Германию из состояния международной изоляции, и введение в апреле 1935 г. новой конституции, открыто фашистского характера. Ее принятие было последним крупным событием в деятельности Пилсудского — он умер 12 мая 1935 г.

К этому времени завершилась метаморфоза в идеологических основах «санации». Она полностью переняла у эндеции воинствующий национализм¹⁰¹, сохранив и усилив при этом как свойственные и эндеции и пилсудчине антисоветизм и антикоммунизм, так и прогерманские тенденции, усиливавшиеся по мере укрепления гитлеровской Германии и нарастания стремления польской реакции к восприятию гитлеровских методов во внутренней политике и соучастию в гитлеровской политике международного разбоя. Другое дело, что слабость польского империализма, сила раздиравших страну противоречий, непрерывно увеличивавшаяся угроза гитлеровской агрессии сделали даже для самых горячих почитателей гитлеризма послепилсудчиковского периода развития «санации» невозможным перенесение на польскую почву всех методов нацизма. «Санация» насколько могла подражала нацизму. Это, однако, не спасло ее: гитлеризм не пощадил своих польских почитателей.

Даже в час смертельной опасности, нависшей над страной в 1939 г., главы «санации» не сделали ничего, чтобы сплотить внутренние силы, готовые, подобно коммунистам, стать на защиту Польши, не сделали ничего, чтобы упрочить международное положение страны, пойдя по единственно надежному пути — по пути отказа от антисоветской политики и сотрудничества с СССР в борьбе против гитлеровской агрессии. Выражая волю магнатов финансового капитала и крупнейших аграриев, «санация» все в большей мере разжигала национальные антагонизмы внутри страны, все чаще прибегала к социальной демагогии, все активнее проповедовала злостный антисоветизм. Режим «санации» довел Польшу до страшной катастрофы сентября 1939 г. — гитлеровскому порабощению страны. Доставшаяся ценой величайших жертв ликвидация последствий сентябрьской катастрофы не только сопровождалась разгромом остатков «санации», но и ликвидацией породившего ее буржуазно-помещичьего строя в Польше. На месте старой Польши возникла новая, народная Польша. За 30 лет своего существования, проведя коренные революционные преобразования во всех областях жизни, она превратилась в страну, построившую основы социализма. Ныне перед польским народом, идущим в едином строю с народами СССР, других братских социалистических стран, открыты вдохновляющие перспективы созидания развитого социалистического общества.

¹⁰⁰ St. Stęborowski. Geneza Centrolewa. Warszawa, 1963.

¹⁰¹ A. Micewski. W cieniu marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1969.